

"Архіви України"

№ 4-5 / 2001

Романова В. Ю.,

к. і. н. Хорхордіна Т. І.

"ЗАСМІЧЕНИЙ АНТИРАДЯНСЬКИМИ ЕЛЕМЕНТАМИ..."

(Московський історико-архівний інститут у 1930-ті рр.)

№ 1 Приказ по Историко-архивному институту

№ 2 Из заявления члена ВКП(б) Ф. А. Сидорова в Свердловский райком ВКП(б)

№ 3 Заявление студентов Историко-архивного института ГАУ НКВД СССР Народному комиссару внутренних дел СССР Берия о плохой работе Института

№ 4 Из стенограммы сообщения группы студентов и аспирантов Историко-архивного института на приеме у заместителя Наркома внутренних дел СССР Меркулова о положении дел в Институте

№ 5 Из докладной записки В. Меркулова, П. Шария, И. Никитинского, Д. Белова Народному комиссару внутренних дел СССР комиссару государственной безопасности 1 ранга Л.П. Берия о состоянии Историко-архивного института

№ 6 Из докладной записки и.о. Начальника ГАУ НКВД СССР капитана госбезопасности И.И. Никитинского и начальника отдела кадров ГАУ лейтенанта госбезопасности К.И. Удальца в Управление кадрами ЦК ВКП(б) о состоянии кадров ГАУ НКВД*

№ 7 Из докладной записки и. о. директора Историко-архивного института Д.С. Бабурина и секретаря партбюро Алексеевой Народному комиссару внутренних дел СССР Берия и Председателю Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР Кафтанову

№ 8 Из рапорта и.о. Начальника ГАУ НКВД СССР И.И. Никитинского на имя Л. П. Берия о снятии с работы директора Историко-архивного института Гулевича

№ 9 Из рапорта И.И. Никитинского Народному комиссару внутренних дел СССР комиссару госбезопасности 1 ранга Берия

№ 10 Из докладной записки К. И. Удальца заместителю Народного комиссара внутренних дел СССР комиссару госбезопасности 3 ранга Круглову о выполнении плана работ по отделу кадров ГАУ НКВД за 1-й квартал 1940 г.

№ 11 Из плана работы отдела кадров ГАУ НКВД СССР на апрель-июнь 1940 г.

В історії Московського історико-архівного інституту, 70-річчю якого присвячена наша публікація архівних документів, є чимало сторінок, які до сьогодні ще залишаються ненаписаними, недописаними або написаними свідомо неправильно. Якщо йти за Р.Дж. Коллінгвудом, який вважає, що в основі роботи історика при виборі джерела завжди лежить "апріорне уявлення", то кращого доказу істинності цієї гіпотези, ніж ювілейні публікації, годі й уявити. З величезного масиву виявлених нами у фонді Головархіву

(Державний архів Російської Федерації, ф. 5325) документів з історії Інституту архівознавства, котрий, до речі, майже одразу було перейменовано в Історико-архівний інститут (хоча один із його істинних батьків-засновників - Ф.Д. Кретов - волів навіть в офіційних документах вживати назву "Інститут архівних працівників"), ми публікуємо добірку матеріалів, які самі по собі створюють сценарій трагікомічного фарсу. Він був би навіть смішним, якби не завершився криваво - десятками й сотнями скалічених доль. Лімітовані жорсткими рамками обсягу журнальної публікації, обмежимося лише коротким викладом історичного фону, на якому виникає й розгортається дія, відображена в документах, а також характеристиками деяких дійових осіб, якщо про них немає відомостей у самих документах.

Отже, час дії - друга половина 1930-х рр.

Уже стала очевидною безперспективність плану авральної заміни старих спеціалістів "червоними професорами", хоча процеси "комунізації" й "оробітничування" вузів тривають.

В архівній галузі заарештовано "стару гвардію" на чолі з Яном Антоновичем Берзіним-Зіемелісом (1881-1938)¹, відсторонено від керівництва Володимира Васильовича Максакова, хоча, працюючи в бібліотеці Комуністичної академії, він продовжує читати лекції в Історико-архівному інституті.

У самому інституті відбувається боротьба між прихильниками курсу на "синтез енциклопедичності й спеціалізації", який був характерним для Московського археологічного інституту часів Олександра Івановича Успенського, і борцями за вузьку спеціалізацію, проголошену при створенні ІАІ Михайлом Миколайовичем Покровським (помер 1932 р.). Але, поки ведуться внутрігалузеві суперечки, в надрах НКВД уже зріє кардинальне рішення (яке буде ухвалене в 1938 році) про віднесення архівної справи в цілому до відання його органів. Після поглинення всемогутнім наркомвнусправівським Левіафаном при Єжові, а згодом при Берія управління по охороні лісів місцевого (непромислового) значення, державної зйомки і картографії, шосейних доріг (ГУШОСДОР) та Центрального управління мір і ваги настає черга й архівного відомства. Усі архівісти, від працівників центрального апарату до технічних службовців "низової ланки" архівів, проходять кадрову чистку - до лав чекістів допускаються лише особи з бездоганним політичним минулим і робітничо-селянським походженням.

Архіви буде включено до системи НКВД практично одночасно з розгалуженою системою витверезників, вилучених із відання Наркомздраву СРСР. При цьому професійні якості викладачів і студентів ІАІ, які склали частину апарату ЦАУ СРСР і навіть знаходилися з ним поки що в одному приміщенні, цікавлять керівництво НКВД в останню чергу. В країні проходить ряд відкритих процесів над "ворогами народу", незабаром вони будуть замінені закритими судами "трійок" і військових трибуналів. Саме в цей час управління кадрів НКВД ворухить усі старі справи про "політичне обличчя" кожного із співробітників і студентів інституту й заводить нові, вже на значно вищому, професійному рівні. За документами, що публікуються, можна простежити зміни в змістовій частині тексту - від констатації чуток і голослівних звинувачень автори оперативних довідок переходять до викладення результатів перевірок, проведених по центральних архівах, картотеці НКВД і "на батьківщині", тобто місцях народження й проживання кожного підозрюваного.

Саме в цей час уперше в поле зору органів потрапляють факти протистояння директора ІАІ, старого партійця Миколи Івановича Соколова, який прийшов на цю посаду в 1934

році, і Костянтина Степановича Гуревича, що замінив попередника в 1937 році, з критично налаштованою групою студентів, які щиро не розуміли, чому їх навчають у цьому унікальному вузі - бути бійцями "ідеологічного фронту на напрямку історичних наук" чи виконувати обов'язки архіваріусів у сховищах, віднесених після листа Сталіна в журнал "Пролетарская революция" в 1931 році на задвірки, на периферію суспільного життя³.

Так на світ Божий з'вляються давно забуті накази Соколова про зміцнення навчальної дисципліни в інституті й покарання "студента Сидорова" за сатиричний фейлетон на адресу вигаданого "професора Ветеринарної академії П'янкова", в якому студенти побачили риси одного з реальних інститутських викладачів⁴. Після наказу директора студент Ф.А. Сидоров завдає удар у відповідь, формулюючи прямі політичні звинувачення на адресу дирекції інституту в цілому і проти Соколова, зокрема⁵. Ставши аспірантом і зробивши карколомну кар'єру - аж до посади заступника керуючого ЦАУ, Сидоров - вільно чи невільно - виступив як один із головних ініціаторів боротьби за зміну "сумнівного керівництва".

Згодом до неї підключились активісти - декілька комсомольців і кандидатів у члени ВКП(б) з 1-4 курсів, а також аспіранти - секретар комітету ВЛКСМ і голова профкому інституту. Спочатку вони направили листа на ім'я наркома внутрішніх справ Л.П. Берія⁶ і негайно були прийняті його заступником - Всеволодом Миколайовичем Меркуловим⁷ (тексти відповідних документів ми публікуємо в цій добірці).

В інституті проходять бурхливі збори, результат яких був заздалегідь вирішеним: НКВД формує одну по одній комісії для перевірки всіх і кожного, під репресії потрапляють десятки викладачів і студентів за списками, які тепер складаються вже в надрах НКВД. Наслідком "перевірок" стало звільнення цілого ряду професорів і викладачів, імена яких фігурують в опублікованих документах. З "чистками" безпосередньо пов'язана передчасна смерть у червні 1938 р., у віці неповних 48 років, Михайла Станіславовича Вишневського, якого в "чорних списках" охарактеризовано по-чекістськи лаконічно й вичерпно: "поляк, дворянин, меншовик"⁸. Нагадаємо, що випускник Петербурзького університету, згодом науковий співробітник Інституту літератури і мови при Петроградському університеті, який з перших років революції кинувся на захист архівів, що гинули в провінції, і який, зрештою, став одним із перших професорів кафедри архівознавства ІАІ, М.С. Вишневський був не лише найвидатнішим методистом-практиком архівної справи свого часу, а й (разом із В.В. Максаковим) його засновником. Саме вони вдвох склали в липні 1930 року докладну записку про необхідність створення спеціального вищого навчального закладу - Інституту архівознавства при ЦАУ СРСР⁹. На підставі цієї записки і відповідного клопотання завідувача ЦАУ М.М. Покровського до Президії ЦВК СРСР було прийнято постанову ЦВК і РНК Союзу РСР від 3 вересня 1930 р. "Про відкриття при Центральному архівному управлінні Союзу РСР Інституту архівознавства і про передачу Кабінету архівознавства при Центральному архівному управлінні РСФРР у відання Архівного управління Союзу РСР". До речі, згаданий у тексті Кабінет архівознавства - це також дітище Михайла Станіславовича, своєрідна науково-навчальна лабораторія, де архівісти всієї країни ознайомлювалися з найсучаснішими методами роботи з архівними документами, вивчали досвід своїх попередників і колег, робили наукові повідомлення й доповіді.

Останні сім років життя професор М.С. Вишневський із болем у серці вимагав покінчити з "недооцінкою і прямим нехтуванням архівних дисциплін, яке передається студентам і аспірантам"¹⁰. У травні 1938 року Вишневського "вичистили" з Інституту. Головну працю його життя - рукопис підручника з теорії й техніки архівної справи - в нього було

відібрано й у наказному порядку передано для завершення "бригаді", що складалася із 28 осіб. Через місяць М.С. Вишневський помер. Підручник так і залишився ненаписаним.

Трагічно склалася й доля згадуваного в "чорних списках" Бориса Юсафовича Анфілова (1882-1941), який теоретично розробив і передбачив основи перебудови комплектування державних архівів наприкінці 50-х - на початку 60-х років. Цей "син дворянина, колишній меншовик, колишній офіцер старої армії в чині капітана", "дуже озлоблений"¹¹, на початку 1939 року був звільнений і залишився без будь-яких засобів до існування. До цього його "вичистили" із ЦАУ, потім звільнили з Інституту і, зрештою, - з архівосховища, де він, архівіст з 15-річним стажем плідної керівної роботи в ЦАУ, автор багатьох теоретичних праць і методичних напрацювань, які не втратили свого значення й сьогодні, займав третьорозрядну технічну посаду. Пенсії йому не призначили, оскільки в 1939 році йому виповнилося лише 57 років, при цьому не враховувалося, що він був інвалідом Першої світової війни. Через два роки Б.І. Анфілов помер.

Чимало в публікованих документах пов'язано з особистостями перших директорів Історико-архівного інституту (після С.М. Абаліна) - старого ветерана-більшовика Миколи Івановича Соколова і Костянтина Степановича Гулевича, який змінив попередника на посаді в 1937 році. Про їхні долі після "чистки" практично нічого не відомо. Однак зняття з посади Соколова з формулюванням "як такого, що не справився з роботою"¹², а також виключення з партії, а згодом і арешт Гулевича навряд чи дають підстави для оптимізму стосовно їхнього майбутнього.

Останнім, хто очолював ЦАУ до його офіційного включення в систему НКВД, був Микола Васильович Мальцев. Він фігурує майже в усіх "чорних списках", але буде звільнений з посади в. о. керуючого ЦАУ СРСР тільки у квітні 1939 року. З чуток, зафіксованих у ряді доносів до органів НКВД, така "живучість" М.В. Мальцева була пов'язана з тим, що в роки більшовицького підпілля він боровся з царизмом пліч-о-пліч із самим В.М. Молотовим і користувався його покровительством. Але, зрештою, і його замінять кадровим офіцером держбезпеки І.І. Нікітинським. У перші ж дні війни з фашистами М.В. Мальцев загине в народному ополченні.

Після того, як у червні 1939 року з посади директора Інституту буде звільнено, а восени того ж року заарештовано першого й останнього професійного архівіста К.С. Гулевича, цю посаду займе колишній кадровий співробітник органів ВЧК-ОГПУ-НКВД Іван Іванович Мартинов, який до того працював завідувачем ячного відділу тресту "Союзптахопродукт" у Наркомторгу, згодом очолював один із політвідділів МТС у Сибіру, деякий час пропрацював у ЦАОР, а в Інститут прийшов з посади директора одного з московських військових заводів¹³. Слід додати, що саме Мартинов зрадив ІАІ в найскладніший час - у жовтні 1941 року він "самоевакуювався" з посади, залишивши напризволяще вуз разом з усім господарством і людьми. Врятував Історико-архівний інститут той, чиє ім'я ви неодноразово зустрінете на сторінках документів, що публікуються, в якості "підозрілої особи, що підлягає негайному звільненню", професор Павло Петрович Смирнов (зверніть увагу - в перших документах він фігурує як "Павло Васильович"), котрий з власної ініціативи взяв справу відновлення покинутого владою вузу в свої руки. Між тим, це вже зовсім інша історія.

У журнальній публікації неможливо дати повну характеристику тим студентам, викладачам і архівістам, імена яких зустрічаються під окремими номерами у зловісних "чорних списках", частину з яких ми вперше представляємо на суд читачів. Багато хто з них вижили і завдяки своїм науковим працям стали відомими не тільки в Росії, а й за кордоном. Серед них - і знаменитий професор (у майбутньому - з 1946 р. - академік)

Степан Борисович Веселовський (1876-1952), котрий у списках відмічений як "син поміщика-дворянина", батько заарештованого органами НКВД у 1935 році за статтею 58-10 К.С. Веселовського¹⁴. Тут імена видатних вітчизняних істориків архівної справи: Ніни Валеріанівни Бржостовської, за підручниками якої і сьогодні займаються студенти ІАІ РДГУ; основоположника вітчизняного документознавства Костянтина Григоровича Мітяєва; майбутнього (в 1944-1947 рр.) директора інституту Дмитра Сергійовича Бабуріна; професора Миколи Володимировича Устюгова ("син попа", "рідний брат дружини засуджений до 10 років трійкою УНКВД Московської області за антирадянську агітацію") і багато, дуже багато інших. Передбачаємо, що ветерани архівної справи і випускники нашого Інституту будуть вражені, побачивши, як близько над прірвою вони знаходилися. Що їх врятувало? Зараз про це можна лише здогадуватися. Скоріше за все, напередодні війни в НКВД просто не вистачило сил завершити фізичне знищення працівників архівних установ, які існували, за висловом майора держбезпеки, начальника ДАУ СРСР І.І. Нікітінського, "на периферії нашого суспільного життя". Можливо, у чекістів були якісь інші, більш довгострокові, плани щодо їхнього використання. Зрозуміло одне - наша публікація ставить крапку в дискусії, яка надто затяглася, про нібито "плідний" для архівів у цілому, й нашого Інституту зокрема, період існування в системі органів НКВД.

Звичайно, документи, які ми публікуємо, залишають гнітюче враження. Однак ми звертаємося до пам'яті про ті роки зовсім не з метою очорнення. Йдеться переважно про те, щоб належним чином оцінити, крізь які "терни" доводилося пробиратися нашим батькам і дідам до "зірок". Мова йде про всеперемагаюче розуміння свого професійного обов'язку перед наступними поколіннями, котре допомогло нашому інституту й архівам загалом не тільки вистояти під ударами репресій, а й розвиватися, рухатися вперед. Адже й у ті тяжкі роки студенти з ентузіазмом заповнювали навчальні аудиторії, викладачі читали блискучі лекції, а інститут на фоні інших вузів навіть зажив слави як "академія вільномудства".

Від нас вимагається лише одне: не забувати, чого коштували ті перемоги. А ще - з вдячністю зберегти імена тих, хто, всупереч усьому, зберігав у нашому інституті неперервність наукових традицій, розвивав науку про архіви, не давав загинути "документальній пам'яті Вітчизни".

Повністю добірку архівних матеріалів про найбільш складні роки життя Історико-архівного інституту в середині й наприкінці 30-х рр. ми плануємо опублікувати в збірнику документів, присвяченому його 70-річчю, який уже готується. Більш докладні відомості й коментарі зацікавлений читач може знайти в монографії одного з авторів даної публікації - Т.І. Хорхордіної "Корни и крона. Штрихи к портрету Историко-архивного института" (М., 1997).

-
1. Див.: Пшеничный А. П. Репрессии архивистов в 1930-х гг. // Советские архивы. - 1988. - № 6. - С. 46.
 2. ГАРФ, ф. 5325, оп. 9, д. 3010, л. 18.
 3. Див.: Сталин И. В. Вопросы ленинизма. - 2-е изд. - 1947. - С. 357-360. Див.: док. № 1.
 4. Див.: док. № 2.
 5. Див.: док. № 3.
 6. Див.: док. № 4.
 7. ГАРФ, ф. 5325, оп. 2, д. 3565, л. 21.

8. Архив РАН, ф. 1646, оп. 1, д. 181.
9. ЦМАМ, ф. 3018, оп. 1, д. 40, л. 5.
10. ГАРФ, ф. 5325, оп. 9, д. 4350, л. 19; оп. 2, д. 86 б, л. 4.
11. Там же, д. 3971, л. 72.
12. Архив ИАИ РГГУ. Личный состав, д. 803, л. 2-3.
13. Див.: док. № 10.

№ 1 Приказ по Историко-архивному институту

8 декабря 1936 г.

№ 123

В последнее время в Институте со стороны некоторых студентов было проявлено в отношении части преподавательского персонала в разных видах и формах абсолютно недопустимое отношение, носящее характер оскорбления и дискредитации последних:

п. 1. Махинько абсолютно незаслуженно и безо всякого основания характеризовал лекции и о. профессора Максакова, весьма компетентного преподавателя, прекрасно знающего свой предмет и обладающего громадной суммой знания по истории архивного строительства, как "водолейство", лекции представляют такую воду "которую нельзя ни пить, ни ноги мыть".

п. 2. Студент Сидоров позволил себе допустить оскорбляющее выражение к преподавателю, в отношении которого общее студенческое собрание по окончании учебного года вынесло решение о его премировании, как за его производственно-учебную, а также и за общественную работу.

Такое отношение к преподавательскому персоналу Института я считаю в корне неправильным и недопустимым. Подобное поведение студентов вносит в учебно-производственную работу лишь дезорганизацию. Так как подобные случаи за последнее время стали повторяться и словесные указания дирекции и общественных организаций на недопустимость такого отношения к преподавательскому персоналу со стороны некоторых студентов не достигают цели, и некоторые студенты, чувствуя безнаказанность в этом отношении, считают возможным поступать по принципу: что хочу, то и говорю, что хочу, то и делаю, хотя бы это и наносило вред учебно-производственной жизни Института. Поэтому в целях решительного пресечения подобных оскорбительных проявлений со стороны того или иного студента к профессорско-преподавательскому персоналу, полагал бы студента Сидорова исключить из Института, но принимая во внимание первый случай такого поведения последнего, считаю возможным на первый раз ограничиться объявлением студенту Сидорову строгого выговора и предупреждения, что при повторении подобного случая мною будет поставлен вопрос о немедленном его отчислении из Института.

Директор Соколов

ГАРФ, ф. 5325, оп. 1, д. 1204, л. 52. Копия.

№ 2 Из заявления члена ВКП(б) Ф.А.Сидорова в Свердловский райком ВКП(б)

15 апреля 1937 г.

По распоряжению и. о. Управляющего ЦАУ Мальцева я был назначен председателем комиссии по обследованию Историко-Архивного Института. В ходе обследования я натолкнулся на ряд вопросов, о которых считаю необходимым довести до сведения Райкома партии.

Директором Института с 15 сентября 1934 г. состоит Соколов, на партийной фракции 8 съезда профсоюзов голосовал в числе 93-х против решения ЦК ВКП(б) о вводе в состав ВЦСПС т.Кагановича.

Как это видно из протокола заседания бюро фракции ВКП(б) ЦК Медсантруд от 19 февраля 1929 г. Соколов и после съезда продолжал считать свое голосование против решения ЦК ВКП(б) правильным.

В Историко-Архивном Институте до последнего времени обманывал парторганизацию, информировал только о своем голосовании в числе 93-х, скрывая, что продолжал настаивать на своей ошибке.

Интересно, что когда его приперли к стене, то он в свое оправдание привел ряд выписок из протоколов партийных собраний, где он якобы выступал и говорил, что до 1929 г. продолжал настаивать на своей ошибке.

Правооппортунистическую практику Соколов продолжает и по сегодняшний день.

Право на такое утверждение дают следующие факты:

а) При постановке на Партийном комитете вопроса о привлечении к партийной ответственности троцкистки Рахлин за развал работы секции научных работников и Кабинета архивоведения Соколов выступил в защиту Рахлин.

б) За несколько дней до ареста бывшего руководителя аспирантуры и зав. кафедрой истории народов СССР троцкиста Мильмана Соколов выступил в защиту Мильмана против лиц (в частности, меня), сигнализирующих о неблагополучии в аспирантуре. Его утверждения, что он разоблачил троцкиста Мильмана, являются просто ложью. Наоборот, он даже после ареста Мильмана в своем приказе не назвал вещи своими именами, а просто по-прежнему именует Мильмана "профессором" и "зав. аспирантурой". (Приказ от 22.4.34 г. за № 34).

В Институте Мильман не был разоблачен как троцкист и после его ареста.

в) Ярким примером отношения Соколова к контрреволюционным элементам служит его покровительство арестованному органами НКВД Каунову. В приказе № 56 от 15.6.35 г. Соколов, повторяя высказывания Каунова, явно берет его под защиту. Соколов после того как комсомольская ячейка за ряд контрреволюционных поступков постановила исключить Каунова из рядов ВЛКСМ, явившись на комсомольское собрание, взял Каунова под защиту свою и это решение комсомольской организации провалил.

В Институте с приходом Соколова царит полный зажим самокритики...

...Лично мне Лившиц говорила, что Соколовым даются такие характеристики в НКВД на студентов, что по ним заберут кого угодно.

Ряд студентов обвиняют Соколова в гнусном издевательстве над ними.

Член ВКП(б) аспирантка Герасимюк заявила комиссии, что ее Соколов посылал отдыхать на Цветной бульвар. Это говорилось в присутствии: Обдиркина (ответственного секретаря Парткома), Кузнецова (члена Парткома) и члена ВКП(б) Милюкова. Правда, на Парткоме было вынесено решение, что эти слова были употреблены в другом смысле, но это дело вкуса Парткома. Я их записываю так, как они были восприняты тов. Герасимюк.

...Своего друга по борьбе против партии на 8 съезде профсоюзов Томского, Соколов копирует даже в мелочах. Томский после ввода тов. Кагановича в состав ВЦСПС объявил по существу забастовку и перестал являться на работу в ВЦСПС. Соколов тоже (после того, как его стали разоблачать и прорабатывать на активе, на партийных собраниях и т.д.) фактически бросил Институт и не является на работу.

Я считаю, что Соколову нельзя доверять воспитание золотого фонда нашей страны, нашей советской молодежи, и ставлю перед Районным комитетом партии вопрос о его пребывании в партии.

Член ВКП(б) Сидоров

ГАРФ, ф. 5325, оп. 1, д. 1204, л. 120-123. Заверенная копия.

№ 3 Заявление студентов Историко-архивного института ГАУ НКВД СССР Народному комиссару внутренних дел СССР Берия о плохой работе Института

23 февраля 1939 г.

Историко-Архивный Институт непосредственно подчиняется Главному Архивному Управлению, начальником которого является тов. Мальцев.

До декабря месяца прошлого года Главное Архивное Управление помещалось в одном здании с Институтом. Тов. Мальцев четыре года работает в Управлении и несмотря на то, что помещается, как сказано, в одном здании с институтом, за все время был в институте не более 2-х раз. Среди студентов ходит даже анекдот, что тов. Мальцев с 4-го этажа послал телеграмму студентам. Между тем, положение в институте исключительно скверное. Директором института является некий Гулевич, человек весьма подозрительный.

В институте царят семейственность, зажим самокритики, затхлая атмосфера. Преподавательский состав засорен. Лучшие преподаватели с помощью Гулевича и с санкции Мальцева почему-то заменяются худшими. Гулевич крепко поддерживал преподавателя философии Тележникова. Когда Гулевич уезжал в отпуск, он оставлял его за себя. 5-го ноября Гулевич премировал Тележникова как прекрасного преподавателя, а 7-го ноября Тележников был арестован как враг народа органами НКВД. Тележников сын белогвардейца, два брата его служили в армии Колчака.

Бытовые условия жизни студентов очень тяжелые. Помещения для общежития не хватает. Между тем, когда Главное Архивное Управление освободило этаж здания института, освобожденное помещение было распределено под кабинет директора, его заместителя и т.д.; с большим трудом удалось под нажимом вырвать под общежитие для студентов одну комнату.

Директор Гулевич прибрал к рукам секретаря парткома Руцкого и совместно с членом парткома - зав. аспирантурой Кузнецовым вершит всеми делами института. Партком был оторван от студенческой массы, не вникал в ее нужды, не поддерживал законные требования студентов.

В конце декабря прошлого год двое из нижеподписавшихся - Аветисян и Белик подали на имя тов. Берия заявление, в котором изложили плачевное состояние института. Каким-то образом это заявление попало в руки тов. Мальцева, который 7-го января 1939 года вызвал к себе Аветисяна и стал упрекать его в том, что он подал заявление на имя тов. Берия, а не на его - Мальцева - имя. Аветисян ответил, что написал тов. Берия потому, что Мальцев все равно никаких бы мер не предпринял, так как он - Мальцев - имел неоднократные сигналы от студентов о положении в институте, хорошо знал положение дел и тем не менее на протяжении 4-х лет ничего не сделал для того, чтобы улучшить состояние института.

В мае прошлого года тов. Мальцев присутствовал на одном собрании студентов и вынужден был буквально бежать с собрания, очевидно, не выдержав той критики, которую развернули студенты. Положение оставалось таким же, как и было. Тогда Аветисян написал статью в "Комсомольскую Правду". Эта статья появилась в газете 16-го февраля и была предметом обсуждения на общем собрании студентов, служащих и преподавательского персонала института в течение 3-х дней - 18-20 февраля. На общем собрании подтвердились не только факты, приведенные в статье, но было вскрыто много других безобразных фактов, рисующих исключительно скверное положение института, как результат бездействия со стороны начальника Главного Архивного Управления тов. Мальцева. Т.т. Мальцев, Гулевич, Кузнецов, Руцкий и еще кое-кто пытались вначале оспаривать приведенные в статье и в выступлениях студентов факты, но затем вынуждены были признать соответствие их действительности. В резолюции, принятой общим требованием, между прочим, записано: "п. 4. Собрание считает, что Главное Архивное Управление также как и раньше продолжает стоять и теперь в стороне от руководства институтом и не принимает никаких мер к устранению вопиющих недостатков в работе института".

О положении института мы неоднократно ставили вопрос на партийных и общих собраниях в институте, в райкоме партии и т.д., однако никаких мер к оздоровлению института т. Мальцевым не было принято.

Когда в "Комсомольской Правде" появилась статья Аветисяна, Гулевич занял позицию запугивания. Мальцев пытался выгородить Гулевича, а затем оба они хотели свалить всю вину на секретаря парткома Руцкого, совершенно слабого и безвольного человека, намеренно выдвинутого секретарем парткома с тем, чтобы за его плечами Гулевич и компания могли делать все, что хотели. Тов. Мальцев пытался представиться наивным и даже заявил на всю аудиторию: "Вы нам сигнализируете, а мы наивно думали, что все обстоит благополучно".

Положение в институте продолжает оставаться серьезным. Некоторые из нас неоднократно беседовали с т. Мальцевым о положении института и все же т. Мальцевым ничего не было сделано. Поэтому мы решили еще раз обратиться к Вам с просьбой принять меры.

Аветисян, Паньков, Гришина, Эпштейн, Старов, Белик, Горбунов, Филатов

ГАРФ, ф. 5325, оп. 2, д. 3559, л. 41-44 (Первый экз. машинописи, но без подписей).

№ 4 Из стенограммы сообщения группы студентов и аспирантов Историко-архивного института на приеме у заместителя Наркома внутренних дел СССР Меркулова о положении дел в Институте

23 февраля 1939 г.

Тов. Аветисян

В конце декабря 1938 года я и Белик подали заявление на имя товарища Берия с изложением ряда фактов плохой работы Историко-Архивного Института, находящегося в ведении Главного Архивного Управления НКВД СССР.

* Сигналов о плохой работе руководства института было очень много, а как обращались с ними - приведу пример: Вчера мы были в канцелярии и обнаружили вечером, что все ящики стола ответственного секретаря института Хвостова открыты, а там были секретные документы из НКВД, из Финансового Управления, печать лит. "В". В этом столе мы обнаружили очень важный сигнал на преподавателя Майзельца, написанный студентом четвертого курса т. Пшеницыным. Эта докладная записка оказалась в папке с резолюциями директора Гулевича, но без резолюции. Студент пишет о том, что преподаватель в своих лекциях клеветает на Советский Союз.

По вопросу о Гулевиче Мальцев говорил: вы знаете, что Тележникова не принимал Гулевич. Я говорю, что не знаю, но покажите приказ. Гулевич знал, что Тележников - сын белогвардейца и был выгнан из Историко-философского института; у него два брата были в армии у Колчака. Потом такой факт: во время курса лекции Тележников говорит "Я вам покажу, где раки зимуют" и "я вас на сковороде поджарю". Об этом я заявлял Гулевичу, но он говорит, что это не ваше дело, идите и занимайтесь. Так, что все основания были убрать Тележникова из института.

Мы писали заявление не только в отношении Гулевича, а вообще о том, что у нас очень слабый преподавательский состав, например, Джинчарадзе, Минкин, Калистратов, которые читают лекции. Раньше преподаватели были гораздо лучше, например, Сперанский, которого заменил Джинчарадзе, затем его сменил Калистратов, который от имени института в пьяном виде появился в части Красной армии читать лекцию, его оттуда выгнали. Почти все лектора, которых убрали из других институтов, преподают у нас. Например, Минкина выгнали из Московского Областного педагогического института, где он читал историю народов, Конституцию. Калистратова также выгнали из Ивановского института и приняли у нас. Потом Мильштейн, исключенный из партии, который читает у нас "средние века" и читает очень плохо, с рядом искажений. Об этом было написано в нашем заявлении на имя тов. Берия. Потом было написано насчет плохих бытовых условий. Белье у нас меняется один раз в месяц (постельное). Мы написали об этом в "Комсомольскую Правду". После этого стало еще хуже. Руководство института просто искусственно создавало недовольство среди студентов. Утром, как правило, не было кипятка, который появлялся в часы, когда студенты заняты на лекциях и он не нужен.

При разговоре Мальцева со мной относительно заявления, поданного на имя тов. Берия, присутствовали Сперанский, Кузнецов и секретарь парткома Рущкий. Мальцев говорил, что все это неверно и писать об этом не нужно было.

Тов. Паньков

У нас всеми вопросами приема, увольнения и т.д. руководит и ведает Мальцев. Вот, например, преподаватель Милюков преподает историю партии, исключался из партии; Мильштейн тоже исключен из партии, апеллировал 17-му Съезду партии, но съезд отказал; преподаватель Максаков имеет строгое партвзыскание.

Тов. Гришина

Я лично состою в этой организации пять лет. В течение трех лет наша партийная организация обсуждала вопрос о том, что положение у нас в институте в руководстве парткома и дирекции - полнейшая семейственность.

Мы в 1937 году ставили вопрос о бывшем директоре Соколове, он подписал платформу 93-х. Этот вопрос ставился на партийном собрании. Мы ставили вопрос о том, что руководство директора неправильное, что он вкупе с членами парткома зажимает самокритику, в институте царит система подкармливания и подхалимства. А Кузнецов - он был заведующим аспирантурой и преподаватель истории и Милюков с пеной у рта защищали Соколова, говорили, что мы ошибаемся и не имеем права его обвинять. А когда мы поставили вопрос с просьбой снять Соколова с должности директора и вынести взыскание, то Кузнецов и Милюков чуть не сорвали собрание. Потом, когда проверили материалы, оказалось, что Милюков учился вместе с Соколовым в одном институте и картина стала ясна. Мы стали просить о снятии Соколова, но ему вынесли только строгое взыскание. Затем, когда был процесс право-троцкистского блока и Рыков в своем выступлении сказал, что участники платформы 93-х являются контрреволюционерами, то мы заявили парткому, а что вы предпримите? Нам сказали, что Соколов болен и не является. Мы все время считали, что он состоит на партучете у нас.

Затем, Кузнецов признался, что он был не прав, защищая Соколова, и вот позавчера апеллировал к общему собранию и потом заявил: "вы меня упрекаете в том, что я защищал Соколова, а он до сих пор является членом партии и с него снято взыскание". В каком положении очутились мы? Оказывается, члены парткома ходили в Комиссию Партийного Контроля, там сняли взыскание с Соколова и незаметным образом сняли с учета у нас. Ряд студентов, которые на протяжении ряда лет замечали безобразия, называли клеветниками.

Когда Соколова убрали, пришел новый директор Овчинников, который вел линию на то, чтобы убрать корешки Соколова. И вот Кузнецов, Милюков и Сулеев увидели, что их тоже уберут из института и начали бешеную травлю против Овчинникова. Последний также сделал, в свою очередь, много неправильного в отношении учебной работы. Овчинникова убрали, Кузнецов и Сулеев остались и играют главную скрипку в институте. Аспирант Сулеев получил год отсрочки потому, что вел борьбу против Овчинникова.

После Овчинникова директором института был назначен Мальцевым Гулевич. Мы возмущались все время, почему наш партком не занимался партийной работой, не занимался воспитанием студентов.

Когда собирался партком, то все сводилось к тому, чтобы показать, что все спокойно. Когда на партийном собрании ставили доклад директора института Гулевича, были выступления членов партии о серьезных неполадках и недостатках в работе института. Кузнецов и Сулеев срывали критику, по двадцать раз выступали с предложениями, поправками и добивались того, что принимали резолюцию о том, что работа

удовлетворительная. Они заранее уже знали о всех сигналах. Когда появилась статья в "Комсомольской Правде", они нервно реагировали на нее. Они говорили, что это полнейшая клевета, на следующий день позвонили в редакцию, что статья совершенно неверная. Затем, когда созвали расширенный партком и пришли все студенты, то выявился полнейший отрыв парткома от массы студентов. Дело дошло до того, что сидящие в президиуме члены парткома нервничали, пытались сорвать собрание. Они не хотели дать выступить некоторым товарищам, в частности бывшему студенту тов. Софинову, который кончил в этом году и хотел выступить. Они знали, что он будет критиковать их и не хотели дать ему слова. Только после вмешательства секретаря Московского Комитета Комсомола т. Седова, Софинову дали слово.

Тов. Эпштейн

Наше руководство института совершенно не пользуется авторитетом у студентов.

После того, как мы перешли в ведение НКВД, никакого улучшения не чувствуется, вообще нет никаких изменений, ГАУ ничего не сделало для оздоровления института. Директор бездушно относится к требованиям студентов и это вызывает недовольство. Институт не может находиться в таком положении, сейчас нет аудиторий, студенты, где раздеваются, там и занимаются. Неудовлетворительна также постановка учебной работы - большинство педагогов очень слабо, просто не подходят для преподавания в институте, а ведь из нас готовят работников идеологического фронта, поэтому сейчас должны особо усилить марксистско-ленинское воспитание молодежи. Директор же института не является другом молодежи и не занимается воспитанием молодежи, а у нас имеются все возможности для того, что бы сделать институт знатным - молодежь не плохая.

Тов. Белик

Я скажу о том, что институт сейчас не справляется с теми задачами, которые поставлены перед ним партией и советским правительством. Наш институт имеет очень серьезное значение, но в данных условиях не соответствует своим задачам. Как уже говорили товарищи, на протяжении всего времени, с которого существует институт, существует затхлая атмосфера, зажим критики и самокритики. Здесь за весь период существования института существует группа людей, которая мешает делу улучшения работы института - это Кузнецов, Обдиркин, Сулеев, Гулевич и др.

Каково настроение студентов? У нас атмосфера удушающая. В нашем институте нужен большевистский порядок. Студенты просят, чтобы органы НКВД навели в институте большевистский порядок. ГАУ во главе с Мальцевым абсолютно не интересовался институтом, для него безразлично - существует институт или нет. Мальцев очень редко бывает на собраниях.

Я скажу еще несколько слов о том, как встретили руководители нашего института заметку в "Комсомольской Правде". В институте существовала такая затхлая атмосфера, что никак нельзя было выступить с большевистской критикой. Когда появилась статья в "Комсомольской Правде", то студенты начали поздравлять смельчаков, которые первые начали и не побоялись выступить. До этого никто не имел права критиковать партком и говорить, что он не занимается делом.

Дальше. Как была поставлена работа в общежитиях? Студенты не знают, где они могут культурно отдохнуть. В Красном уголке, если это можно назвать красным уголком, организуются пьянки, которые были и в общежитиях. Об этих фактах ставился вопрос на комитете комсомола. Тов. Филатов из комитета комсомола поставил вопрос перед парторганизацией, но он был замят.

Для оздоровления института нужно убрать оттуда некоторых лиц, главным из них является Кузнецов, потом Сулеев, Обдиркин и другие. Затем нужно, чтобы ГАУ занялось серьезным и тщательным подбором кадров, т.к. с такими кадрами, какие у нас, нельзя дать настоящих работников.

Гов. Филатов

Мне кажется, что положение исключительно серьезное в институте и я просто сомневаюсь в политической физиономии руководителей, а именно: Гулевича, Кузнецова, Рущкого и самого Мальцева. Например, взять зачетную сессию, самый разгар зачетной сессии, когда мысли людей сосредоточены на том, чтобы сдать зачет, в этот разгар зачетов начинается переселение студентов и здесь буквально начинается издевательство над людьми. Был такой случай: пришла комсомолка, плачет, говорит, что издеваются над ней. У нее больной ребенок, а ее заставляют переселяться, причем это было во время зачетной сессии, она переселялась два раза и до этого еще 2 раза.

Теперь в отношении Мальцева. Я несколько раз заявлял и сигнализировал ему, а также заявляли и другие студенты, но он не принимал мер, не интересовался бытом студентов.

Аветисян, Паньков, Гришина, Эпштейн, Старов, Белик, Горбунов, Филатов
ГАРФ, ф. 5325, оп. 2, д. 3559. л. 8-23 (Первый экземпляр машинописи, но без подписей).

* Опущены тексты сообщений студентов, повторяющие содержание их заявления на имя Народного комиссара внутренних дел СССР Берия. См.: док. № 3.

№ 5 Из докладной записки В. Меркулова, П. Шария, И. Никитинского, Д. Белова Народному комиссару внутренних дел СССР комиссару государственной безопасности 1 ранга Л. П. Берия о состоянии Историко-архивного института

[Не ранее 27 февраля 1939 г.]*

Группа студентов и аспирантов Историко-Архивного института..., обратившаяся 23 февраля к Вам и выслушанная нами, сообщила ряд фактов плохой работы Историко-Архивного института и о том, что исполняющий обязанности начальника Главного Управления Архивов НКВД Мальцев Н. В., знающий о всех этих фактах, не принимал никаких мер к их устранению.

Все сообщенные группой факты нами были подвергнуты специальной тщательной проверке на месте в институте.

Кроме того нами изучены все стенограммы общего собрания студентов института и заседания комитета ВКП(б) совместно со студенческим активом и осмотрены общежития студентов и учебные помещения института.

В результате этой проверки нами установлено следующее:

1. Профессорско-преподавательский состав института мало подготовлен и засорен антисоветскими элементами. Яркими фактами этой засоренности являются:

преподавателем по истории архивного дела в СССР работает Максаков В.В. - б[ывший] меньшевик, который разрабатывается в 2 отделе ГУГБ, как активный правый; преподавателем ленинизма состоит Попов К.А. - б. меньшевик; преподавателем по древней и средней истории состоит Мильштейн А.А., исключенный из ВКП(б) и разрабатывается как троцкист; зав. кафедрой иностранных языков является Иванцов Л.Н. - прапорщик царской армии; преподаватель Смирнов П.П. в прошлом отбывал пятилетнее заключение за контрреволюционную деятельность и др.

Преподаватель палеографии и дипломатики Калистратов Н.П., уволенный из Ивановского института, приходит читать лекции в пьяном виде, в преподавании допускает халтуру, о чем имеются заявления 3-х различных организаций. Кроме того, в деле Калистратова имеются сигналы о двух случаях допущения им политических ошибок в лекциях, в частности случай рекламирования им врага народа Троцкого.

^{**} 6. Руководство тов. Мальцева институтом ограничивалось лишь личным контактом с директорами института, причем свои отношения к ним тов. Мальцев строил не на принципиальной основе, а на основе личных мотивов. В качестве примера непринципиального руководства можно указать, что тов. Мальцев в мае мес. 1938 года в течение одного дня издал три приказа о смене и назначении директора института.

Аналогичный факт беспринципной игры в приказы имеет место и в текущем году, так: 23-го февраля Мальцев издал приказ о снятии директора института Гулевича, как не справившегося с работой.

27 февраля он издает новый приказ о восстановлении Гулевича на работе.

В результате такой беспринципной практики Мальцева в руководстве институтом, студенты и преподаватели института выражают возмущение, а студент Старов 27-го февраля с.г. на собрании членов ВЛКСМ заявил о политическом недоверии Мальцеву.

До 1936 года, в течение двух лет руководство института находилось в руках Соколова, политически сомнительного человека, который пользовался большой поддержкой Мальцева и который привел институт к крупным провалам.

Одним из близких людей Соколова являлся работающий ныне заведующий кафедрой Истории Народов СССР - Кузнецов И. В., который все время стремился превратить институт из специального учебного заведения, готовящего специалистов архивного дела, в институт, выпускающий историков вообще. Дирекция института и ГАУ не только не противодействовали этим стремлениям Кузнецова, но чтобы не оставить его кафедру без аспирантов, придумали несуществующую специальность, создав аспирантуру "по публикации архивных материалов".

Тов. Мальцев фактически не занимался вопросами подбора и закрепления за институтом преподавательских кадров. Зная о том, что ряд специальных архивоведческих дисциплин не обеспечен квалифицированными преподавателями, тов. Мальцев никаких мер не принял к привлечению для работы в институте соответствующих специалистов и обеспечению для них условий работы.

Тов. Мальцев не только не пресекал, но по существу сам культивировал не принципиальную, дяляческую и двурушническую практику работы дирекции и парткома института. Ярким примером такой практики является поведение директора института Гулевича, парткома института, а также самого Мальцева во время партсобрания и общего

собрания коллектива института 17-20 февраля, когда под напором единодушной, обоснованной и резкой критики почти всей массы студенчества, все они признались в плохом руководстве, каялись в ошибках и т.д. и в то же время в райкоме ВКП(б), в комитете по делам Высшей школы и в других организациях, путем неправильной и недобросовестной информации пытались вновь заглушить критику. Партком института в беседе с комиссией НКВД признавал неудовлетворительность своей работы и обоснованность критики студентов, а буквально через день, узнав о новом приказе ГАУ, восстанавливающим директора Гулевича, вновь недопустимо стал зажимать самокритику и терроризовать комсомольское собрание, критикующее дирекцию и ГАУ. Сам тов. Мальцев в своем заявлении на имя тов. Берия признавал правильной всю критику студентов как дирекции, так и ГАУ, а через два дня занял совершенно другую позицию, издав без ведома руководства НКВД новый приказ о восстановлении Гулевича. Все это еще больше возмутило студентов и накалило обстановку.

Исходя из этого представляем на ваше распоряжение следующие наши предложения:

1. Предложить директору Историко-Архивного института тов. Гулевичу К. С. обеспечить выправление и устранение серьезных прорывов и недочетов в работе института. Предупредить тов. Гулевича, что если он в ближайшее время не перестроит своей работы в направлении изучения преподавательского состава, очищения его от негодных элементов и подбора квалифицированных кадров, тесной связи с партийно-комсомольскими организациями и всей студенческо-преподавательской общественностью и внимательного изучения нужд и запросов студенчества, будет поставлен вопрос об его снятии с должности директора института.
2. Освободить от должности заведующего кафедрой Истории Народов СССР и преподавания в институте - Кузнецова И.В.
3. Поручить Главному Управлению Архивов НКВД подобрать соответствующую кандидатуру на должность заведующего кафедрой Истории Народов ССР.
4. Просить Свердловский РК ВКП(б) о роспуске партийного комитета института за развал партийно-политической работы в институте, за притупление политической бдительности и грубый зажим критики и самокритики студентов.
5. Поручить Главному Управлению Архивов пересмотреть весь профессорско-преподавательский состав института и укомплектовать институт к новому учебному году квалифицированными профессорско-преподавательскими кадрами.
6. Поручить дирекции института совместно с партийной, комсомольской, профессиональными организациями наладить массовую политическую и воспитательную работу в институте и улучшить постановку политической учебы студентов и профессорско-преподавательского состава.
7. Обязать Главное Управление Архивов НКВД осуществлять постоянное непосредственное практическое руководство институтом.

В. Меркулов, П. Шария, И. Никитинский, Д. Белов
ГАРФ, ф. 5325, оп. 2, д. 3559, л. 45-57 (Первый экземпляр машинописи, но без подписей).

* Документ датируется по содержанию.

** Опущены части текста, повторяющие содержание заявления студентов ИАИ на имя Народного комиссара внутренних дел СССР Берия (док. № 3), а также сообщения этой же группы студентов на приеме у зам. Наркома внутренних дел СССР Меркулова (док. № 4). Опущены части, касающиеся учебных программ, производственной практики и т.д.

№ 6 Из докладной записки и.о. Начальника ГАУ НКВД СССР капитана госбезопасности И.И. Никитинского и начальника отдела кадров ГАУ лейтенанта госбезопасности К.И. Удальца в Управление кадрами ЦК ВКП(б) о состоянии кадров ГАУ НКВД*

31 мая 1939 г.

№ 54

...Историко-Архивный Институт

Работой института, как это установлено комиссией НКВД в марте месяце 1939 г., ГАУ совершенно не руководило.

Бывшее руководство Управления в лице Мальцева всякие сигналы о безобразиях, творящихся в институте, скрывало от партии и руководства НКВД. До последнего времени в институте существовала группа лиц, из числа руководящих работников института: Кузнецова И.В., Гулевича К.С., Сулеева Г.Ф. и Руцкого Д.М., которая систематически зажимала критику и самокритику недостатков в работе института, а лиц, пытавшихся выступить против них, преследовала и изгоняла из института.

Директор института Гулевич личного состава преподавателей не знает и не изучает его; личные дела профессорско-преподавательского состава находятся в запущенном состоянии, как правило, в них отсутствуют документы об образовательном цензе, анкетные данные и деловые и политические характеристики.

...Профессорско-преподавательский состав института мало подготовлен и засорен антисоветскими элементами.

Яркими фактами этой засоренности являются:

- директором института работает политически сомнительный человек - Гулевич К.С., в прошлом связанный с активным, ныне осужденным, троцкистом Дробнисом. Работой института Гулевич К.С. совершенно не руководит, недостатки в работе института стремится всячески скрыть; в период работы в Архиве профдвижения допустил целый ряд должностных преступлений, в частности: принудительное соавторство, засорение аппарата, развал работы и т.п. Дело в отношении его рассматривается в партийном порядке в Партбюро института.
- зам. директора института по учебной части работает Бабурин Д.С. - сын торговца-спекулянта, при вступлении в ВКП(б) скрывший свое соц. происхождение, за что имеет по партлинии строгий выговор. Безобразия, творимые в институте, Бабурин всячески скрывал, имел близкую связь с арестованным в апреле месяце Френкиным М С.
- помощником директора по заочному обучению и хозяйственной части работает Блюмфельд А Э. - латыш, в Латвии имеет родственников, с которыми долгое время имел связь. Блюмфельд также вместе с руководством института покрывал все безобразия.

До последнего времени преподавателем палеографии и дипломатики работал Калистратов Н.П., уволенный из Ивановского института. Калистартов приходил читать лекции в пьяном виде, в преподавании допускал халтуру, о чем имеются заявления 3-х различных организаций. Кроме того, в деле Калистратова имеются сигналы о двух случаях допущения им политических ошибок в лекциях, в частности случай рекламирования им врага народа Троцкого.

Профессором института состоит Максаков В. В., член ВКП(б) с 1920 г., имеет строгий выговор с предупреждением за потерю партбдительности, за связь с врагом народа Вегманом, работавшим в Западно-Сибирском краевом архивном управлении. С 1917 по 1919 г. состоял в группе левых интернационалистов.

Преподавателем истории СССР состоит профессор Смирнов Павел Васильевич^{**}, беспартийный, сын личного дворянина, в 1924 г. Киевским Окружным судом был осужден на 5 лет лишения свободы по делу контрреволюционной группы "Центродействия". Меры наказания отбыл.

Преподавателем источниковедения работает Никитин С.А., беспартийный, сын священника, дядя, с которым Никитин проживал вместе, НКВД выслан в г. Архангельск. Сам Никитин в 1930 г. особым совещанием ОГПУ был выслан на Урал сроком на 3 года по делу "Историков".

В целях дальнейшего улучшения кадров архивных органов считаем необходимым провести следующие мероприятия:

1. Провести полное очищение аппарата Управления и его местных органов от всех антисоветских элементов.
2. Заменить директора Историко-Архивного Института Гулевича К.С.
3. Заменить заместителей директора Историко-Архивного Института Бабурина Д.С. и Блюмфельда А.Э.
4. Заменить зав. кафедрами Историко-Архивного Института Максакова В.В., Хейфец Ф.А., Зимонсон И.Л.
5. Заменить преподавателей Историко-Архивного Института Смирнова П.В., Котловича М.И., Никитина С.А. и др.

И.о. начальника ГАУ НКВД СССР - Никитинский
Начальник Отдела кадров ГАУ - Удалец
ГАРФ, ф. 5325, оп. 2, д. 3560, л. 5-10 (Копия без подписи).

* Второй экземпляр этого документа был направлен заместителю Наркома внутренних дел СССР Круглову (ГАРФ, ф. 5325, оп. 2, д. 3561, л. 1).

** Так в тексте. Правильно (здесь и далее): Смирнов Павел Петрович.

№ 7 Из докладной записки и. о. директора Историко-архивного института Д.С. Бабурина и секретаря партбюро Алексеевой Народному комиссару внутренних дел СССР Берия и Председателю Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР Кафтанову

23 июня 1939 г.

Этот единственный в Советском Союзе Институт имеет настолько плохие условия учебной и научной работы, когда можно смело утверждать, что таких условий не имел ни один Вуз Советского Союза даже 8-10 лет назад. Мы вынуждены лично обратиться к Вам потому, что нам совершенно непонятно отношение руководства ГАУ к положению в Институте, к его жизненным запросам и нуждам. Это отношение к нуждам Института тем более непонятно для нас, что новое руководство ГАУ хорошо знает о том, что бывшее вражеское руководство ЦАУ в лице Пашуканис и др. вело линию на срыв подготовки кадров и на разложение Института, что последствия их вредительской деятельности Институт очень болезненно ощущает еще и сегодня. Новое руководство ГАУ по настоящее время не разрешает тех вопросов, которые ставились перед ним руководством Института и партийным бюро в многочисленных докладных записках, решениях, резолюциях и устных требованиях. Институт работает без какой бы то ни было поддержки со стороны ГАУ.

...Второй чрезвычайно важный вопрос, от которого зависит дальнейшая работа Института, это вопрос о профессорско-преподавательских кадрах в Институте. Профессорско-преподавательский состав Института был всегда наиболее слабым местом в работе Института. За эти годы создан небольшой коллектив профессоров, доцентов и преподавателей Института, но до настоящего времени плохо обстоит дело с руководящим составом кафедр.

...Для преподавательской работы в Институте необходимо привлечь высококвалифицированных практических работников Ленинграда и других городов Советского Союза. Институт не имеет возможности этого сделать, так как он не имеет квартир, которые можно было бы предоставить профессорам и преподавателям.

Последний вопрос это вопрос о руководстве Института. Приказом начальника ГАУ НКВД тов. Никитинского 16 июня снят с работы директор Историко-Архивного Института К.С. Гулевич.

Этим же приказом и.о. директора Института назначен зам. директора по научной и учебной работе т. Бабурин. Мы должны очень резко поставить вопрос об укреплении руководства Института, т.к. на протяжении ряда лет ЦАУ, по крайней мере, безответственно относилось к подбору руководящих кадров Института. За 7 лет существования Института сменилось 11 или 12 директоров и зам. директоров по научной и учебной работе. Большинство из них были освобождены от работы в силу их непригодности руководить Институтом.

...Мы просим Вас, тов. Берия и тов. Кафтанов, в срочном порядке разрешить вопрос о руководстве Институтном.

И. о. директора Института - Бабурин
Секретарь Партбюро - Алексеева
ГАРФ, ф. 5325, оп. 2, д. 3559, л. 66-73. Подлинник.

№ 8 Из рапорта и. о. Начальника ГАУ НКВД СССР И.И. Никитинского на имя Л.П. Берия о снятии с работы директора Историко-архивного института Гулевича

28 июня 1939 г.

Приказ о снятии с работы директора Историко-Архивного Института Гулевича К.С. я подписал после согласования этого вопроса с Начальником Отдела Кадров Управления лейтенантом госбезопасности т. Удадьцом, в ЦК ВКП(б) с тт. Киселевым и Зыковым, в Комитете по Делах Высшей Школы при СНК с тт. Рамзаевым и Ломакиным и в ОК НКВД СССР с т. Ивановым.

У Вашего заместителя по кадрам - майора госбезопасности т. Круглова я лично просил указаний о том, можем ли мы своим приказом снять с работы Гулевича К.С., т.к. он не утверждался в этой должности ни Вами, ни ЦК ВКП(б).

От тов. Круглова я получил положительный ответ.

Одновременно с этим о работе Гулевича К. С. сообщаю:
После обследования Института в марте месяце с.г. Комиссией под руководством старшего майора госбезопасности тов. Шария, Гулевич К. С. никаких мер по изжитию выявленных безобразий в работе Института не принимал, Институтом не руководил, а указания ГАУ по этим вопросам не выполнял.

В архиве Профдвижения, где Гулевич работал по совместительству, им допущен ряд злоупотреблений, в частности: принудительное соавторство и развал работы архива.

Все материалы в отношении Гулевича проверены и подтверждены фактическими данными.

О злоупотреблениях Гулевича по Архиву Профдвижения 23 июня с.г. в № 172 "Правды" помещен фельетон Рыклина "Назойливый спутник".

Об изложенном сообщаю на Ваше распоряжение.

И. Никитинский
ГАРФ, ф. 5325, оп. 2, д. 3567, л. 19-21. Заверенная копия.

№ 9 Из рапорта И.И. Никитинского Народному комиссару внутренних дел СССР комиссару госбезопасности 1 ранга Берия

20 августа 1939 г.

Гулевич К.С. - директор Историко-Архивного Института в 1921 г. являлся лидером шляпниковской оппозиции в Полтаве. Решением Свердловского РК ВКП(б) от 14.08.39 г. за активную антипартийную деятельность, за скрытие от партии принадлежности к шляпниковской оппозиции и неискренность - Гулевич К. С. из рядов ВКП(б) исключен.

И. Никитинский
ГАРФ, ф. 5325, оп. 2, д. 3561, л. 36. Копия.

№ 10 Из докладной записки К.И. Удальца заместителю Народного комиссара внутренних дел СССР комиссару госбезопасности 3 ранга Круглову о выполнении плана работ по отделу кадров ГАУ НКВД за 1-й квартал 1940 г.

11 апреля 1940 г.

...За отчетный квартал в результате специальной проверки как по органам УБ НКВД, так и архивам из числа социально-чуждого и примававшего элемента выявлено 38 человек, из них:*

...по Историко-Архивному Институту

п. 1. Профессор Максаков В.В. происходит из семьи служителя культа. Брат Максакова также был служителем культа. Проведенной спецпроверкой установлено, что Максаков на протяжении ряда лет, до Октябрьской Революции, вел активную борьбу против большевиков. Активно выступал в прессе в период империалистической войны против лозунга Ленина о превращении войны империалистической в войну гражданскую.

После февральской революции был редактором к.-р. газеты "Раннее Утро", в которой восхвалял временное правительство, одобряя арест большевиков. Печатал в этой газете к.-р. клевету на В. И. Ленина, называл его немецким шпионом.

После Октябрьской революции выступал с требованием свободы печати для всех к.-р. партий. В 1919 г. примыкал к группе меньшевиков-интернационалистов.

По имеющимся во 2 отделении ГУГБ НКВД агентурным и следственным материалам, Максаков входил в к.-р. троцкистскую группу, орудовавшую в системе ЦАУ на протяжении ряда последних лет, проводившую активную вредительскую работу. Показаниями арестованного Вальдбаха устанавливается, что Максаковым и другими троцкистами в к.-р. целях похищались необходимые им документы из архивов ЦАУ.

Максаков В.В. разрабатывается 2 отделением ГУГБ НКВД как активный правый.

Подлежит замене

п. 2. И. о. заведующего кафедрой марксизма-ленинизма Попов К.А. - в 1928-1929 г., будучи на преподавательской работе в ИКП, принадлежал к а/с группе леваков (меньшинство). В своих теоретических работах защищал право-троцкистскую точку зрения по вопросу революции 1905 г. (отрицал предпосылки перерастания революции 1905 г. из буржуазно-демократической в социалистическую (сообщение 2 отд. ГУГБ)).

Попов К. А. состоял членом с.-д. партии меньшевиков. Как член Сибирской областной думы в 1918 г. арестовывался в Омске Колчаком. С.-д. фракция меньшевиков внесла запрос премьер-министру Юстиции о немедленном освобождении Попова К. А. из-под ареста (справка ЦАОР).

Брат жены Попова К. А. осужден Тройкой УНКВД МО в 1938 г. за к.-р. агитацию на 8 лет (сообщение 2 отд. ГУЛАГ НКВД).

п. 3. И. о. заведующего кафедрой Хейфец Ф. А. Антисоветски настроенный человек. Родной брат б. поверенный в делах в Иране, разоблачен, как враг народа (шпион немецкой и английской разведок) (сообщение 2 и 5 отделов ГУГБ НКВД).

п. 4. Профессор Веселовский С. Б. - сын помещика-дворянина. Сын Веселовского - Веселовский К.С. в 1935 г. арестован органами НКВД по ст. 58-10 к 10 годам ИТЛ. Внук Веселовского - Веселовский Г.С. проходит по д. ф. как член семьи.

Родной брат проходит в 5 отделе, как член Галиполийского земледельчества в Праге и разрабатывается 2 отделом ГУГБ (сообщение 5 отд. ГУГБ НКВД, 1 спецотдела НКВД СССР и УНКВД МО, УНКВД Саратовской области и справка Центрального архива феодально-крепостнической эпохи).

п. 5. Преподаватель Вайнштейн В.Н. - с 1917 по 1918 г. состоял в ЕСДРП, а с 1918 по 1922 гг. в ЕКП (Палей Цион). Проходит по оперативным учетам УНКВД Винницкой области, как бывший белый по фамилии Вольский Владимир. Этот псевдоним Вайнштейн В. Н. носил до 1920 г., проживая на территории белых в Виннице и Каменец-Подольске (сообщение УНКВД по Винницкой обл.).

п. 6. Аспирантка Дворец М.Б. - дочь офицера Колчаковской армии Хржановского Б. Ф., проходит в 3 отд. ГУГБ по связи с Вольным, разрабатываемым по подозрению в к.р. деятельности. Кроме этого, отец Дворец М. Б. - Хржановский Б. Ф. разрабатывается 10 отделением 1 отд. ГУГБ НКВД СССР и 2 отделом УГБ УНКВД МО (сообщение 3 отд. ГУГБ НКВД, 1 спецотдела НКВД и 1 спецотдела УНКВД МО).

п. 7. Лаборант Касаткин П. А. - подпоручик и батальонный адъютант царской армии...

п. 8. Аспирант Карпачев А. М. - сын собственника мануфактурного магазина и парикмахерской.

п. 9. Аспирант Афанасьев Н. И. - мать происходит из кулаков...

п. 10. Преподаватель Никитин С. А. - с 1930 г. постановлением Особого Совещания ОГПУ обвинялся по ст. 58-11 УК по делу Историков и был выслан на Урал сроком на 3 года (справка 1 спецотдела НКВД).

п. 11. Преподаватель Прутенская М. С. - дочь поляка-кулака, в прошлом лишена избирательных прав (сообщение Погорельского р/о).

п.12. Аспирант Митяев К. Г. - брат Митяева в 1938 г. расстрелян за к.р. деятельность (справка 1 спецотдела). п.13. Преподаватель Бабурин Д. С. - сын торговца спекулянта. Два брата жены осуждены на 10 лет каждый за ограбление (справка 1 отд. НКВД СССР и УНКВД МО).

п.14. Преподаватель Устюгов Н. В. - сын попа. Разрабатывается 2 отд. ГУГБ НКВД. Родной брат жены по ст. 58-10-11 УК в 1932 г. Тройкой УНКВД МО осужден на 10 лет за а/с. агитацию (справка 2 отд. ГУГБ и 1 спецотдела НКВД СССР).

п. 15. Преподаватель Солдатенков М. Т. - проходит в СПО УНКВД МО по агентурному делу (справка 1 спецотдела УНКВД МО).

п. 16. Профессор Смирнов П. П. в 1924 г. был осужден на 10 лет по делу к.р. организации Центродействия. Постановлением ВЦИК СССР срок сокращен до 5 лет (справка 1 спецотдела НКВД).

п. 17. Заведующий курсами Фомичев В. П. - в 1934 г., приезжая в отпуск на родину, среди колхозников вел антиколхозную агитацию, заявляя: Животноводческие товарные фермы в колхозах нерентабельны, они поглощают весь доход из колхозов

Отец жены Фомичева - Петров В. А. - служил в полиции стражником. В 1930 г. облагался твердым заданием (сообщение Переславльского р/о). Фомичев с работы уволен.

п. 18. Преподаватель Бодякшин И. Х. - подпоручик царской армии (справки ВИА).

п. 19. Аспирант Самойлов В. И. - сын служителя культа.

п. 20. Аспирантка Бржостовская Н. В. - мать Бржостовской постановлением Особого совещания от 26.12.37 г. за подозрение в шпионаже арестована сроком на 5 лет (сообщение 1 спецотдела НКВД СССР и УНКВД МО)**

Начальник Отдела кадров ГАУ НКВД СССР
Лейтенант гос. безопасности Удалец
ГАРФ, ф. 5325, оп. 2, д. 3561, л. 53-56. Заверенная копия.

* Опущены сведения по ГАУ НКВД СССР, ГАФКЭ, ЦГАКА, ЦФФКА, Архиву профдвижения.

** Пп. 21-30 - указаны фамилии студентов 4-го курса: Анчиполовский Я.Д., Зырянов С.А., Истомина Н.А., Коновалова В.С., Кротов А.Ф., Крайская З.В., Похмелкин В.И., Попов И.Д., Таропов И.Н., Трейвус Э.Л. в связи с их соц. происхождением (сын попа, из семьи купца и т.д.).

№ 11 Из плана работы отдела кадров ГАУ НКВД СССР на апрель-июнь 1940 г.

Утвержден 11 апреля 1940 г.

1. Дальнейшее выявление и очищение архивных органов от соц. чуждых и примазавшихся элементов*.

Апрель

...п. 6. Охватить спецпроверкой 15 человек профессорско-преподавательского состава, аспирантов и лаборантов Историко-Архивного Института и написать на них справки по форме № 1 до 30 апреля 1940 г.

Май

...п. 2. Закончить спецпроверку профессорско-преподавательского состава, аспирантов и лаборантов Историко-Архивного Института в количестве 25 человек и написать справки.

Июнь

п. 1. Охватить 40 человек студентов Историко-Архивного Института 3-го курса спецпроверкой по оперативным делам и по родине.

Начальник Отдела кадров - Удалец
ГАРФ, ф. 5325, оп. 2, д. 3568, л. 32-34. Копия.

*Инспекторы отделов ГАУ обязывались согласно плану провести специальное анкетирование всего личного состава центральных государственных архивов и охватить их спецпроверкой по отделам, местам рождения и жительства. Что же касается ИАИ, то по нему тоже был составлен план для старшего инспектора Преснякова.